

УДК 101.1:316.422.44

И. Д. Денисенко, профессор (ХНУ им. В. Н. Каразина, Украина)

**ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В статье раскрывается проблемное поле социально-философских исследований, обусловленное уточнением категориального аппарата исследований, установлением границ предметных полей наук, поиском теоретических оснований, интерпретирующих развитие социальных процессов; осуществлен анализ отношений между представителями социальной философии и социологии.

The article deals with the problem field of social and philosophical studies, due to the specification of categorical system of research, establishing the boundaries of subject fields of science, the search for theoretical reasons, interpreting the development of social processes; made an analysis of the relations of honey representatives of social philosophy and sociology.

Введение. Анализ отечественных и зарубежных научных публикаций, посвященных изучению современных трансформационных процессов, свидетельствует о том, что проблемное поле социально-философских исследований формируется целым рядом стратегий, основными среди которых выступают следующие:

– уточнение понятийно-категориального аппарата исследований;

– демаркация границ в предметных полях наук, формирующих систему социально-гуманитарных знаний;

– поиск теории, адекватно интерпретирующей развитие социальных процессов и функционирование общественных структур в условиях повсеместных трансформаций.

Основная часть. Детальное изучение дискурса современных социально-философских публикаций констатирует факт существования в процессе формирования понятийно-категориального аппарата современной системы социально-философских знаний двух устойчивых тенденций – наполнение новым содержанием традиционных для этой науки понятий («общество», «историчность», «структура», «институты», «классы» и т. д.) и привнесение в ее оборот совершенно новых категорий («риск», «сеть», «культура реальной виртуальности» и т. д.).

В контексте основных положений так называемой теории структуризации английского социолога и философа Э. Гидденса понятие «структура» активно используется «для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства». При этом утверждается, что «структура существует только как памятные следы, органическая основа человеческой осведомленности и проявляет себя в действии» [1, с. 501]. Последнее автором теории структуризации непосредственно связывается с таким феноменом, как «историчность», которая рассматривается в качестве «идентификации истории как прогрессивного изменения, объединенного с когнитивной утилизацией такой

идентификации для того, чтобы способствовать этому изменению» [1, с. 498].

Согласно утверждениям мексиканского исследователя М. Каstellса, социальная структура информационного века рассматривается им как «сетевое общество» в контексте новой интерпретации последнего термина потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...».

Очевидно, что основную проблему в осознании существования этих тенденций составляет поиск методологических оснований для соединения перечисленных выше категорий в единый «работающий» понятийный аппарат.

Разрешение проблемы уточнения понятийно-категориального аппарата современной социально-философской системы знаний непосредственно связано с необходимостью рассмотрения другого стратегически важного вопроса – демаркации границ в предметных полях наук, формирующих всю систему социально-гуманитарных знаний.

Особого внимания заслуживает анализ отношений между представителями социальной философии и социологии. Общепринято, что «социальная философия – это система научного знания о наиболее общих закономерностях и тенденциях взаимодействия социальных явлений, функционирования и развития общества, целостного процесса социальной жизни». В то же время достаточно устоявшимися являются и положение о том, что социология – «научное изучение общества и социальных отношений», и тезис, констатирующий, что современная социально-философская мысль Запада выступает в «форме теоретической социологии». В результате представители каждой из этих систем знаний претендуют на свое «первенство» в изучении социальной реальности в контексте современных трансформационных процессов. Последнее достигается как с помощью активного обращения, «заимствования» каждой из них элементов понятийно-категориального аппарата

оппонента, так и через «выход» на уровни традиционного познания друг друга. Другими словами, представители и социальной философии, и социологии осуществляют свой анализ социальной реальности в так называемом микро- и макроконтинууме, ключевыми моментами которого выступают взаимодействие групп, организаций, обществ и мировых систем.

Стимулом к сохранению такого положения между науками служит и отсутствие у каждой из них своей теоретической конструкции, адекватно отражающей современные социальные трансформации. Наиболее популярными вариантами теоретических интерпретаций трансформационных процессов, наблюдаемых в современных обществах, выступают результаты теоретических исследований, представленные в монографиях: У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну»; Э. Гидденса «Осознание современности»; И. Валлерстайна «Конец знакомого мира: Социология XXI века»; М. Кастелла «Информационный век: экономика, общество и культура»; А. Тоффлера «Третья волна»; Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек»; С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX века» и Ш. Эйзенштадта «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций».

Однако появление в последнее двадцатилетие концепции рефлексивной современности Э. Гидденса (1991), теории общества риска У. Бека (1992) и так называемой «парадигмы информационной технологии» М. Кастелла (1996–1998) и т. д. не изменило сложившуюся ситуацию между науками, а только привело к активному использованию этих теоретических построений как в системе социально-философских, так и в системе социологических знаний.

Так, практически все дискуссии, по мнению Дж. Ритцера, организованные в рамках западно-европейских и американского научных сообществ в конце XX – начале XXI в., выходят на проблему адекватной интерпретации и соответствующей оценки именно изменений, происходящих с наблюдаемой социальной реальностью. «По мере того, – говорит автор, – как мы вступаем в XXI в., век социальных теоретиков, нас все в большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям?» [2, с. 34]. Дж. Ритцер утверждает, что в результате поисков ответа на поставленный вопрос эти социальные теоретики распределились на две группы.

«Одна из позиций, – отмечает американский социолог, – представлена творчеством группы теоретиков (например, Ю. Хабермаса и Э. Гидденса), полагающих, что мы продолжаем

жить в обществе, которое правильнее всего называть современным... Иной точки зрения придерживается другая группа мыслителей (например, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно новом, постмодернистском обществе» [2, с. 46–47].

Из вышесказанного следует, что в проблемном поле социальной реальности, которая находится под воздействием различных факторов, вызывающих определенные изменения в ее структуре и сферах существования, в рамках развития противостояния между данными теоретическими позициями в социально-философской науке продолжает наблюдаться аспект, отражающий соотношение понятий «существующее общество» и «современный мир».

Иными словами, для социально-философских исследований предметом анализа все чаще становится не социальная реальность, существующая в условиях как системных, так и внесистемных изменений, а сами эти трансформации, позволяющие рассматривать сегодняшний мир или как эпоху современности, или как эпоху так называемого постмодерна. В результате в социальной науке наблюдается реальная конкуренция между системами понятий, участвующих в экспликации существующей социальной реальности (безусловно, в границах определенных теорий).

Результаты анализа современной социологической и социально-философской литературы свидетельствуют об определенном доминировании (с позиции упоминания и количества ссылок) в западном научном сообществе теоретических конструкций Ж. Бодрийяра, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса.

Французский представитель постмодернистской социальной теории Ж. Бодрийяр предлагает рассматривать существующую реальность как мир постмодерна (т. е., «мир, для которого характерно такое сжатие в противовес расширению (производственных систем, товаров, технологий и т. д.), которое было свойственно обществу модерна») или как так называемую сверхреальность. Последняя предполагает, что в условиях ее существования реальное ставится в подчиненное положение относительно фактов, «интерпретирующих» его, и в конечном счете вообще исчезает.

Другой представитель французской философской школы и единомышленник Ж. Бодрийяра в оценке этапа развития современного мира – Ж.-Ф. Лиотар рассматривает последний как социальное пространство, в котором господствуют так называемые «метанаррации» (т. е., развитые системы ценностей – от христи-

анства до научно-технического прогресса). Переход от модерна к постмодерну (в контексте современных изменений, преобразовывающих существующую реальность) характеризуется французским исследователем, прежде всего, через моменты отрицания любых метанарраций – от дискурса спасения (христианская система ценностей) до дискурса универсальности.

Для известного американского социально-исследователя И. Валлерстайна – автора метода системного анализа, получившего в 70–80-х гг. прошлого века широкое распространение среди представителей социально-гуманитарных знаний, существующее общество, с одной стороны, – современная капиталистическая мировая экономика, так называемый «Мир капитализма», а с другой – так называемый «Мир знания». «Мир капитализма» и «Мир знания», – подчеркивает исследователь, – соответственно мир, который мы знаем в том смысле, в каком он составляет нашу реальность (мир капитализма, или *cognoscere*), и мир, известный нам в меру его понимания нами (мир знания, или *scire*).

Для его английского коллеги Э. Гидденса существующая социальная реальность – эпоха современности, которая, тем не менее, существенно отличается от общества начала XX в. (в контексте основных положений его теории структуриации также современного). Данную эпоху предлагается определять на основе четырех институциональных измерений – уровня развития капиталистического производства; степени использования в этом производстве неодоушевленных источников энергии и машинного производства; системы социального контроля и контроля над средствами насилия. При этом основными динамическими характеристиками современности выступают так называемое дистанцирование (разделение времени и пространства); так называемое высвобождение (отрыв социальных отношений от локальных контекстов взаимодействия и их реструктурирование на неограниченных промежутках времени – пространства) и рефлексивность.

Известный немецкий философ Ю. Хабермас представляет существующую социальную реальность как так называемый «незавершенный проект», утверждая, что для достижения пост-современного уровня развития современному миру еще предстоит «пережить» существенные преобразования.

При этом следует подчеркнуть, что поиск теории, адекватно интерпретирующей развитие социальных процессов и функционирование общественных структур в условиях повсеместных трансформаций, выполняется в контексте существования достаточно широких трактовок

этой высшей формы организации научного знания о социальной действительности.

Периодически предпринимающиеся попытки уточнить содержание термина «теория» в системе социально-гуманитарных знаний в контексте обоснования специфики природы исследуемой реальности приводят к формированию ситуации признания теоретической несостоятельности современной социальной науки. Отмеченная тенденция вызвала ряд заявлений со стороны известных западных социальных исследователей как об их «замешательстве» относительно определения содержания и структуры «теории в общем» и «конкретных видов теории, которые фактически существуют» (Д. Нечмис), так и о четко сформулированных «правилах выработки и распознавания социальной теории» (П. Филер, М. Филлипсон). В контексте рассмотрения перспектив развития данной ситуации в научных кругах Э. Гидденс продолжает в целом утверждать, что ««социальная теория» – довольно размытый термин, хотя и чрезвычайно полезен нам (обществоведам – И. Д.)» [3, с. 27].

Кроме того, представители как западной, так и отечественной социально-гуманитарной системы знаний, специализирующиеся на проблемах социального познания, продолжают разрабатывать проблемное поле социальной теории, но не иллюстрируют свои результаты и выводы известными вариантами теоретических построений в сфере изучения социальной реальности конца XX – начало XXI в. В научной литературе практически отсутствуют фундаментальные исследования, специализирующиеся на сравнительном анализе предложенных вариантов теоретических интерпретаций трансформационных процессов.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что проблемное поле социально-философских исследований в контексте современных трансформаций определяется не только разработкой стратегий разрешения научных вопросов, возникших в новых условиях развития социума в конце XX в., но и некоторыми традиционными методологическими моментами, сформировавшимися к середине прошлого века и все еще не получившими своей адекватной интерпретации в научном сообществе.

Литература

1. Турен, А. Возвращение человека действующего / А. Турен. – М., 1998.
2. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – СПб., 2002.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации / Э. Гидденс. – М., 2005.

Поступила 02.04.2010